

— Соси шлюшка! Сильнее! Язычком работай! Вот, хорошо — уже лучше!

Мэд, ухватился обеими руками за голову девушки, двигая тазом в такт с движениями её головы. Наградив в очередной раз её пощёчиной, парень сказал:

— А ещё я тебе жопу порву на фашистский знак. Хочешь сучка?! Признавайся, хочешь же?

Ирочка отвлеклась от увлекательного занятия и сказала:

— Хочу милый, очень хочу! Порви! Ударь меня ещё. Накажи свою сучку!

Мэд наградил звонкой пощёчиной свою любовницу по другой щеке и попросил не отвлекаться больше, и пусть она только попробует не проглотить всё! От тогда ей задаст.

Ирочка с удвоенной энергией принялась за очень нравившееся ей дело и хорошенько завязала ему глаза, — и не вздумай касаться ни себя ни меня! — голос женщины был немного грубоват и почти не отличим от мужского. Игорь вновь попросил в уме Сотону, дать Мадлен мужское тело хотя бы на час или больше, а себе женское.

— Выполнено! Мадлен будет мужчиной — был ответ, — но только на час.

Что произойдёт с его телом, он не сказал.

Ирочка или Игорь почувствовали дыхание и тепло тела своего партнёра. Его руки чувствительно щипали её грудь. Это было очень больно. Она вновь расплакалась. Затем его грубые ладони сильно прошлись по её попочке, звонко отшлёпав её. Получив пару пощёчин, он или она не могли понять, произошло превращение или нет. Сильный укус в шею, вновь заставил закричать женское естество от боли. Но любовник был непреклонен. Ирочка поняла, что это мужчина. Её чувства при отсутствии зрения обострились. Запах его тела был мужским.

Мужчина продолжил покрывать сильными укусами тело женщины. Женщина вновь взмолилась о пощаде. Однако к чувству боли примешивалось ещё одно. Она сильно текла. Или не текла? У него вставал? Они запутались. «Наплевать», — подумала Ира: «Буду представлять себя женщиной».

Любовник молча наслаждался экзекуцией, искусав всю спину жертвы местами почти до крови, иногда награждая её пощёчинами за то, что сильно кричала от боли и молила о пощаде. Наконец он добрался до её сладкой попочки. На сей раз, его укусы были не такими жестокими, они были скорее приятными. Вскоре она почувствовала что-то влажное и горячее у себя в анусе. «Это его язык», — догадалась женщина.

Поиграв немного своим языком, Мэд засунул туда палец, основательно умащённый в сексуальной смазке. Ирочка перестала плакать. Она стонала от наслаждения. А когда пальцев стало двое, она замычала, как блудливая корова. Вскоре тройца храбрых солдат распатывали преддверие её невинности в попу. У неё уже не было сил терпеть, когда же пальцы будут заменены чем-то более существенным.

— Ну, давай же! — завывала она, — трахни меня в попу, порви её на немецкий знак!

Казалось, любовник только и ждал сигнала к наступлению. Пальцы покинули трепещущую в предвкушении сладострастия полость и, на их месте появилась огромная головка пышущая настоящим жаром страсти. Член мужчины горел огнём. Он был настоящим. Ирочка чувствовала, как кровь пульсировала в его венах. И он устремился вперёд, не очень-то заботясь об ощущениях подруги.

— Больно! — вновь расплакалась она, — Милый, пожалуйста, осторожней, ты порвёшь у меня там всё.

— Заткнись, тварь! Молчи шлюха! — вновь награждая её пощёчинами, грубо прикрикнул мужчина, засовывая своё орудие до отказа. Пока его яйца не упёрлись в её попу.

Любовники замерли на какое-то время. Мэд дал время попчке Ирочки привыкнуть к инородному предмету загрузившим всю её полость. Сильно покусав прелестные ушки Ирочки, чтобы не расслаблялась в ожидании, Мэд ухватился за них руками. Затем он подвигал членом чуть взад и вперёд, начал трахать её не заботясь об ощущениях любовницы. Сначала женщина стонала от боли, но вскоре боль куда-то ушла. На её место пришло наслаждение. Ей стало нравиться ощущение движения поршня долбящего её задницу. Это было новое чувство, неизведанное ранее. И оно приносило зарождающееся наслаждение. Вскоре наслаждение переросло в экстаз, закончившийся бурным оргазмом.

Они кричали чуть ли не в унисон от затопившего их удовольствия. Когда всё было закончено, Мэд запретил снимать повязку:

— Так и стой, сучка! — прикрикнул он на неё, — когда произойдёт обратное превращение, я сниму повязку с твоих глаз.

Ирочка так и стояла, чувствуя, как сперма Мэда медленно вытекала из её раздолбленной дырочки, проторая дорожки по её ляжкам.

Наконец час прошёл, Мадлен сняла с неё повязку и, крепко расцеловав в губы, спросила:

— Не сердись на меня?

— Нет, что ты, — улыбнулся Игорь, это было так необычно и так здорово!

Затем взглянув на простынь, он узрел две лужицы от спермы.

— Я был мужчиной? — огорчился он

— Да, ну и что? — подтвердила Мадлен, — в душе ты всё равно был женщиной, и ощущал себя Ирочкой. Разве, нет?

— Да так и было, и всё-таки ты сделала из меня голубого, — огорчился он.

— Надо же? — рассмеялась Мадлен, наш трансик, вдруг огорчён тем, что ему порвали целку в попе?! В следующий раз, когда я буду мужчиной, порвёшь целку в заднице мне и, мы будем квиты, договорились?

— Договорились, — улыбнулся мальчик-девочка, понимая, что если бы не эти превращения, он всё равно оказался бы на члене у активного педераста, ведь фокусы с переодеваниями в женскую одежду, как правило, этим и заканчиваются.

О чём он не преминул поведать своей пассии.

— А хочешь прямо сейчас трахни меня в попу? — попросила она его.

— Сейчас не хочу, попозже, — улыбнулся её любовник, — а лучше ночью, мы с тобой поиграем в розовую любовь.

— Как скажешь моя сладкая: ночью, так ночью, — нежно целуя свою сладкую в губки сказала Мадлен.

С каждым разом превращения были всё менее болезненны. Проснувшись в объятиях подруги, Ирочке сильно захотелось в туалет. Осторожно убрав ручку своей любимой с увеличившейся груди, женщина, ступая на одних носочках, тихонько покинула комнату. В ванной она принялась подготавливать свою попчку, сама ещё не зная для чего. Вошедшей Мадлен представилось интересное зрелище.

— Подготавливаешь её к новым испытаниям, — поинтересовалась подруга, усмехнувшись.

— Да. Кто знает, какие мысли посетят твою милую головку, — созналась Ирочка.

В комнате подле кровати сидела женщина в ожидании своей подруги. Мадлен улеглась чуть повыше, подложив подушку под свою нежную спинку, чего-то ожидая нового от своей любовницы. Ей показалось, что игра может быть продолжена, но женщине сильно не хватало ощущений себя мужчиной. Она бы не посмела ударить подругу. Это претило её женскому естеству. Нежно погладить, поцеловать, но не кусать. Внезапно она вздрогнула — это Ирочка взяла её сладкую ножку и стала облизывать каждый пальчик, как это делала в прошлый раз. Добравшись до мизинца, та вдруг ни с того, ни с сего укусила его довольно чувствительно.

— Ах ты, дрянь такая! — Вспылила Мадлен, ты укусила меня?!

— Простите меня, моя госпожа, — с испугом на лице, повинилась любовница, — это вышло случайно. Я не знаю, что на меня нашло. Накажите меня.

— Мерзавка! — ударяя ту по лицу ногой, разозлилась госпожа, — принеси ремень, ты будешь тот час же наказана!

Соскочив со своего места, мерзавка пулей полетела исполнять приказ. На её лице блуждала счастливая улыбка.

— Пожалуйста, накажите меня, — подавая ремень госпоже и упустив повинную голову, попросила она, — обещаю, такого не повторится.

— Встань к стене, подними руки повыше, командовала женщина, — прогнись немного назад, выставь свою попку для экзекуции.

Мадлен текла со всей силы, оказывается это тоже заводила её женскую сущность. Взглянув на ремень, она сказала:

— Утром ходим в сексшоп, нам надо прикупить разных интересных штучек. Ремня не достаточно. С каким бы удовольствием я отхлестала бы тебя плёткой. А если приковать тебя наручниками, было бы так прелестно!

Говоря это, она пребольно хлестала подругу, оставляя красные полосы на сладкой попке своей возлюбленной. С каждым ударом Ирочка кричала от боли и то молила о пощаде, то просила ударить её сильнее.

— Пощади! — Вопила она сильно плача и рыдая, — Нет, нет! Накажи меня! Накажи свою шлюшку. Ударь меня! Ударь свою сучку, моя госпожа. Ударь посильнее! Я провинилась и должна быть наказана.

Обе женщины текли, как две сучки в период брачных плясок. Закончив экзекуцию, Мадлен присела на корточки и, поигрывая пальчиков в своём цветке, стала страстно слизывать сок из лона подруги.

— М-м-м-м, — он стал ещё слаще от наказания, — приговаривала она.

Встав, она приказала рабыне повернуться и, наградив ту звонкой пощёчиной со словами: «Попробуй ещё хоть раз кусить мой пальчик, я тебе такое устрою!», — приказала принести пояс с членом.

— Быстрее мерзавка! — грубо прикрикнула Мадлен, — я не намерена ждать!

Мерзавка принесла пояс и, опустив голову вниз, подала его госпоже.

— На колени тварь! — сказала Мадлен, — и смотри мне в глаза.

Упав на колени, Ирочка смотрела прямо в глаза женщины со страхом и покорностью, вновь подала той пояс.

Госпожа оцепила фаллос, обильно покрыла его смазкой, зашла сзади рабыни, потребовав ту

изменить позу:

— Опустит голову ниже, а попку приподними повыше, я приготовила для тебя подарок, — приказала она.

Ирочка с готовностью сделала это, предполагая, что это будет, не столько приятно, сколько больно. Парадокс превращений заключался в том, что следы побоев исчезали совсем, а раздолбленная попка была вновь девственно свежей и узенькой. Сильно беспокоясь, что крики подруги будут услышаны соседями. Дверь в их квартиру хлопнула, они вернулись из поездки, госпожа сказала:

— Я, пожалуй заткну тебе рот, а то соседи вернулись, а ты так вопишь, подумают ещё чего-нибудь. Ты ведь не против?

— Конечно, нет моя госпожа, — согласилась рабыня.

Оглядев комнату в поисках чего-то подходящего под кляп, Мадлен приказала принести свои трусики и встать на кровать, а не на пол.

— Доставлю тебе удовольствие, — вытирая своё лоно и ножки от набежавшего сока, сказала Мадлен и запихала трусики в открытый рот Ирочки.

Ударив её по щеке, она грубо попросила ту не кричать громко:

— Ты поняла меня, сучка?! Не вздумай громко вопить, пока я твою жопу буду рвать на немецкий знак. Поняла или нет, шлюшка? — награждая пощёчинами раз за разом шлюшку, спрашивала она. Наконец слёзы брызнули из глаз несчастной, та кивнула головой, что всё поняла.

Ласково поглаживая попку любовницы ладошками, Мадлен, осторожно и медленно вставляла пальчики в её сладкую дырочку. Сначала один потом другой. Вот уже троица шурудят там. Коричневая звёздочка возлюбленной, расслабляясь и растягиваясь, позволяла это делать почти без усилий Наигравшись вволю. Мадлен взяла искусственный член и поводила им по уже не звёздочке, а приоткрывшейся дырочке. Член был меньше Мёдовского и к тому же сильнее смазан, поэтому головка без особого труда проникла в сладкую полость. Как только это произошло, стоявшая в позе, вздохнула через нос от наслаждения. Мадлен с силой надавила на член, погружая его полностью в пещеру страсти подруги, удерживая ту за волосы намотанные на кулак. Острая боль пронзила как огонь внутренности несчастной, памятуя, что кричать нельзя она забилась в беззвучной истерике. Слёзы градом, вновь пролились из её прекрасных глаз.

— Что сучка, больно? Больно, гадина?! — Счастливо осведомилась Мадлен, вращая искусственный член вокруг своей оси. Ей очень нравилось истязать покорную рабыню. Нравилось любоваться её слезами, доставлять той боль почти на грани терпения. Нравилось ещё и потому, что истязаемой — это тоже нравилось, но главное, что после каждого нового превращения не оставалось ни одного следа от былых экзекуций. Она давно это заметила, и понимала, что каждый раз это происходит по-новому.

Но когда она была мужчиной, все чувства Мэда были более обострены, наслаждение от экзекуций он получал более насыщенные, более чувственные. Мадлен страстно захотелось вновь стать мужчиной, вытащить этот искусственный елдак и засадить свой настоящий со всей дури и ухватив за уши Ирочку, трахать её так, чтобы дым пошёл. Вместо этого она приказала своей любовнице развернуться лицом к ней:

— Сядь на попу, чтобы он не мог выпасть и ёрзай, будто сношаешься с ним.

Внезапно будто вспомнив о чём-то, она соскочила с кровати и в глубине ящика шкафа, нашла

несколько бельевых, деревянных прищепок, валяющихся там совершенно без надобности. Но кажется, Мадлен нашла им сексуально-эротическое применение. Прищемив ими соски несчастной, она поинтересовалась у Ирочки, не будет ли та против, если она сделает то же самое с её клитором. Рабыня испуганно замотала головой. Вытащив кляп изо рта истязаемой, она вновь задала тот же вопрос.

— Мадлен, пожалуйста, не надо, — ответила испуганная женщина.

— Ах ты тварь! Мерзавка, не смей мне перечить, — награждая пощёчинами тварь и мерзавку, — шипела Мадлен, — проси меня об этом!

— Да, да, пожалуйста, прищепи у меня там прищепкой.

— Я хотела одну, но теперь прищемлю две и выберу самые тугие. Пусть это будет тебе наукой. Не смей никогда мне перечить, сучка!

Затем она с удовольствием выполнила задуманное. Ирочка вновь плакала и тихонько скулила, боясь быть услышанной соседями. Полюбовавшись на своё творчество, Мадлен чуть полуприсев, приказала своей шлюшке вылизывать свою куночку. Ухватив за попу подругу, та с готовностью выполняла приказание госпожи. Следует отметить, что искусственный член в её попе уже прижился, боль совершенно прошла и, ёрзая на нём, то немного выдавливая его силами мышц своей попочки, то насаживаясь на него, Ирочка как бы потраховывала себя в собственный зад. Боль в зажатых сосочках и внизу уже не так сильно доставляла её неудобств, а наоборот приносила какое-то извращённое наслаждение. Она очень старалась доставить наслаждение своей госпоже и лизала со всей пылкостью и страстью, иногда отпуская одну руку, чтобы потереть прищепки, для познания новой боли.

Вскоре подруга забилась в конвульсиях от оргазма. Ирочка с наслаждением вылизывала её любовный сок. Мадлен, присев на кровать, грубо засунула два пальчика в щёлочку рабыни и, стала ими там трахать, одновременно подергивая прищепки в разных местах свободной рукой. Иногда награждая пощёчинами подругу приговаривая при этом:

— Что нравится, сучка? Хочешь мои пальчики, шлюшка.

— Да, да, да, Мадлен! Ещё, ещё, глубже! Ударь меня! Ударь свою сучку. О, Мадлен! Так приятно! Ах-ах-ах.

Ирочка застонала и повалилась навзничь, теряя контроль над своим телом от оргазма. Анус расслабился, выталкивая из своих недр член, подрагивая в конвульсиях. Мадлен быстро освободила тело подруги от прищепок. Осторожно поглаживая её волосы, она спросила:

— Тебе правда, понравилось? Всё было именно так, как ты хотела?

— Да, милая! Это именно то, что я хотела, обнимая и нежно целуя подругу, призналась она, — и не надо бояться. Ты боишься переступить грань, сдерживаешься. Это совсем не обязательно. Да мне бывает больно, очень больно. Но это проходит, а с новым превращением, всё исчезает. Даже царапинки не остаются.

— Хорошо я не буду сдерживаться. Но сначала нам нужно сходить в секс шоп, чтобы прикупить разных интересных штучек, — улыбнулась Мадлен, — а если мне вздумается прижечь твою грудь сигаретой, как ты к этому отнесёшься?

— Здесь ничего не выйдет, — сказала Ирочка, — Я буду так вопить, что соседи услышат. Нам нужно найти какое-то укромное местечко вдали от людских глаз и ушей.

— И ты согласна на любые пытки? — удивилась Мадлен

— До определённых пределов, конечно, ты же не хочешь сделать из меня психопатку?

— Конечно, нет! — перепугалась Мадлен, — пожалуй, остановимся на том, что имеем